

Александр Гиринский*

Феномен большевизма: философское и социологическое прочтение

Термин «большевизм» в отечественном философском дискурсе имеет весьма неопределенное значение. Можно предположить, что эта проблема связана со сложной судьбой как оригинальной русской философской традиции в XX веке, так и «советской» философии, вынужденной существовать в сложных условиях советского государства и тотальной идеологии. Актуальное медийное пространство России, в последние 20 лет активно обсуждающее советский этап русской истории, игнорирует это понятие, используя, на первый взгляд, термины-синонимы – «социализм», «коммунизм», «советизм» и так далее. Тем не менее, налицо семантическая и терминологическая путаница, возникающая как следствие неразличения основных философских и культурологических категорий.

Две традиции понимания – от философии к социологии

Заслуга самой проблематизации понятия «большевизм» как специфического явления культуры принадлежит, в первую очередь, именно русской философии и ее главным представителям – Н.А. Бердяеву, Д.С. Мережковскому, С.Л. Франку, Ф.А. Степуну, Б.П. Вышеславцеву и многим другим. Они были первыми, кто попытался осмыслить «большевизм» не как практику советской власти и не как марксистскую идеологию, используемую для политической борьбы и вполне конкретных целей захвата власти на том или ином историческом этапе. Русская философия поставила проблематику большевизма в центр своих размышлений о судьбе европейской культуры, или если быть более точным, о судьбе общества Модерна и его основных узловых сюжетов. Большевизм – это не мировоззрение партии большевиков, не практическая политическая борьба и не синоним социалистической идеологии. Для русских философов это нечто большее, это метаидея, означающая радикальный разворот всей европейской культуры в сторону «гибельного» рационализма, перешедшего свои границы. Это, по выражению

* Аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, преподаватель и методист Лицея НИУ ВШЭ.

Ф.А.Степуна, «разум, сошедший с ума», это культура Модерна, потерявшая равновесие.

Узловой сюжет русской философии – сюжет о причинах и основаниях этой ментальной и интеллектуальной катастрофы. В этом смысле она, может быть, гораздо более актуальна для Запада, чем, собственно, для самой России.

Внутри самой русской философии существует как минимум две «большие» традиции осмысления большевизма как интеллектуального явления. Различие между ними представляется интересным, а самое главное, отражает и более глубинные противоречия уже внутри самой русской культуры. Долгое время классической работой, посвященной феномену большевизма, была работа Н.А. Бердяева *Истоки и смысл русского коммунизма*, в которой большевизм как явление напрямую выводился из специфического характера русского Просвещения и русской истории XVIII-XIX веков в целом. С позицией Бердяева в целом солидаризируются и многие другие русские философы, ту же самую идею можно встретить в работе «Христианский социализм» С.Н. Булгакова, в «Размышлениях о русской революции» П.Б. Струве, «Крушении кумиров» С.Л. Франка и т.д. Тем самым, ответственность за большевизм возлагалась на русскую культуру, не сумевшую грамотным образом обработать новоевропейские философские новации в силу собственной незрелости и слабости.

В исследовательской литературе эту позицию часто называют «веховской», намекая тем самым на то, что впервые она была имплицитно выражена в знаменитом сборнике *Вехи* и вышедшем позже сборнике *Из глубины*, а также и на тот факт, что почти все авторы, упомянутые выше, так или иначе участвовали в создании этих сборников. Альтернативную точку зрения, гораздо менее широко представленную в исследовательской литературе, представляют, например, И.П. Ильин и Б.П. Вышеславцев, выводящие большевизм из истории новоевропейской философии напрямую и не придающие решающего значения тем «искажениям», которые она получила в России при реализации советского проекта. Так уже позднее возникают основания для социологического, нейтрального взгляда на большевизм как целостное историческое явление западной культуры, не связанное с закоренелыми «травмами» русской души и трагического хода русской истории.

Сюжет «ответственности» возникает последовательным образом и уже в позднее советское время приобретает очевидный публицистический и полемический характер. Если большевизм – «болезнь русской души», то «лечить» ее должна сама Россия и при этом за свои грехи единолично нести справедливое наказание. Если большевизм – болезнь всего европейского рационализма как такового, если он – только часть того большого европейского поворота, который в русской философии, начиная с В.С. Соловьева, описан как «человекобожеский» и предчувствия которого даны в ряде произведений русской литературы, то Европа интеллектуально и морально ответственна за ту катастрофу, которая разразилась в России.

«Веховская» концепция большевизма (*Проблемы идеализма, Вехи, Из глубины*)

Под «веховской» концепцией большевизма следует понимать цельную, сложившуюся в русской культуре начала XX века традицию понимания «большевизма», впервые имплицитно представленную в работах авторов сборника *Вехи* и *Из глубины*, а затем последовательно развитую ими в отдельных работах.

Несомненно, авторы сборника *Вехи* не обладали абсолютным единством своих взглядов, от философских до политических, что видно как по их работам, предшествующим данному сборнику, так и по дальнейшей судьбе творчества каждого из них. Однако авторов объединило общее душевное волнение и общая тревога за судьбу России в переломный период, а также смутное общее ощущение единых причин, для экспликации и выявления которых и был задуман сборник. Об этом в предисловии пишет М.О. Гершензон: «Люди, соединившиеся здесь для общего дела, частью далеко расходятся между собою как в основных вопросах "веры", так и в своих практических пожеланиях: но в этом общем деле между ними нет разногласий. Их общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общезжития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства»¹.

Базовая философская идея сборника *Вехи* была сформулирована незадолго до публикации самого сборника, в книге *Проблемы идеализма*, в которой участвовало четверо будущих «веховцев» – Булгаков, Бердяев, Струве и Франк. Именно там авторами впервые намечена религиозная концепция культуры, которая с разных сторон будет предлагаться авторами *Вех* на замену интеллигентскому «расколотому» сознанию. С.Н. Булгаков посвящает свою статью об Огюсте Конте «Основные проблемы теории прогресса» именно развитию этой концепции. Описывая современные «модные» философские теории – позитивизм, материализм и неокантианство, – Булгаков отмечает невозможность удовлетворения ими всех духовных поисков человека, их склонность к «урезанию» человека до социальной единицы, обладающей некоторыми «потребностями», в том числе «духовными». Булгаков отмечает, что без цельного мироощущения человек не является человеком. Философ отдельно выделяет необходимость религиозного самосознания, гармонизирующего человека и удаляющего его от крайностей. «Только религия устанавливает поэтому связь между умом и сердцем человека, между его мнениями и его поступками. Человек, который жил бы без всякой религии за личный страх и счет своего маленького я, был бы отвратительным уродом. И

¹ Гершензон М.О. Предисловие к первому изданию «Вех» // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 453.

напротив, для человека истинно религиозного вся его жизнь, от крупного до мелкого, определяется его религией, и нет таким образом ничего, что являлось бы в религиозном отношении индифферентным»².

Статья П.Б. Струве «К характеристике нашего философского развития», посвященная книге С.П. Ранского о социологии Н.К. Михайловского, бегло фиксирует основные слабости отечественной философии, связанные, в первую очередь, со вторичным и поверхностным увлечением позитивизмом и материализмом. Важнее, однако, другое: в тексте Струве впервые, еще до знаменитого текста С.Н. Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип», выдвигается тезис о полной несоизмеримости Маркса со всей предшествующей немецкой философской традицией. «Маркс был вовсе не тот, имеющий внутреннее родство с Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем философ критического духа, каким он представляется фантазирующему Вольтману; это был догматический материалист, вышедший из школы Фейербаха, но более решительно, чем последний, примкнувший к французскому материализму XVIII века. Он в этом отношении прямой продолжатель французских социалистов и коммунистов, философски отпавшихся так же, как и он, от материализма и сенсуализма»³. Маркс, таким образом, объявляется Струве наследником французского просвещенческого материализма, а не немецкой философской классики. Увлечение русской интеллигенции марксизмом, таким образом, нисколько не соединяет Россию и ее интеллектуальный слой с высокой немецкой философской культурой, оно возвращает русских к примитивному «базаровскому» материализму, преодоленному Европой именно за счет высоких уровней философской рефлексии. Но именно с высокой культурой русская интеллигенция, по мнению Струве, оказывается незнакомой.

Статья Н.А. Бердяева, посвященная этическим вопросам, подчеркивает значение практической философии Канта, почти не усвоенной, по его мнению, русским интеллигентским сознанием. Бердяев, так же, как и все остальные авторы сборника, последовательно критикует современные ему увлечения интеллектуальной молодежи – от позитивизма до марксизма, но теперь через призму этического их содержания. Основная идея Бердяева дополнительно усиливает основную тенденцию всего сборника – во-первых, этическое сознание возможно только как цельное, а значит, невозможно как нерелигиозное, а во-вторых, невозможно мыслить себе этическую цель как собственно выполняемую в эмпирическом смысле. Современные учения ошибаются, когда помещают этическое в состав событий мира, будь то желание счастья, социального благоденствия, удовольствия, отсутствия страдания и т.д. «Человек находит свое высшее счастье в осуществлении чего-то ценного с точки зрения своей сознательной природы, т. е. осуществление добра в своей воле, истины в своем познании, красоты в своих

² Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 25.

³ Струве П.Б. К характеристике нашего философского развития // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 94.

чувствах; эти ценности и являются целями, из их осуществления складывается духовная жизнь. Все содержание душевной жизни исчезает, когда в поле сознания оказываются только удовольствие и счастье как цели. Качество счастья целиком определяется качеством объектов желания, т. е. духовной природой человека»⁴.

Статья С.Л. Франка, одна из самых академичных и объемных статей сборника, посвящена детальному исследованию моральной философии Ницше. На первый взгляд, в ней не содержится публицистических и критических по своему характеру отзывов о состоянии русской философской культуры и интеллигенции. Однако, заканчивается она важным выводом: «Современная философская мысль, опираясь на представленные ее основателем Кантом синтез реалистической трезвости мысли со смелыми идеалистическими порывами нравственного духа, проводит резкую грань между критическим позитивизмом в области научного познания и этическим идеализмом в области целостного нравственного сознания. Она в равной мере должна протестовать как против доктринерской тенденции ограничить богатое внутренними переживаниями человеческое сознание сферой реалистической мысли, так и против неосторожного стремления гипостазировать этические переживания и облекать их в форму логической системы точного знания; таким образом, она примиряет эти два противоположных направления человеческого духа, указывая каждому его границы»⁵. Нетрудно заметить, что именно в бесконечной путанице этического с логическим, нравственного с социальным, внешнего с внутренним позже авторы *Vex* будут обвинять русскую интеллигенцию.

Тезисы, высказанные в сборнике *Проблемы идеализма*, были усилены уже в самом сборнике *Vexi*. «Веховцы» хотели показать необходимость трансформации ориентации русской культуры – с внешней на внутреннюю. Необходимо было, по их мнению, переставить акценты: с проблем общества на проблему личности, с проблемы социальной справедливости на проблему личной ответственности. Русская интеллигенция была признана авторами сборника *Vexi* носителем нового революционного сознания, чуждого религии, а значит свободе и личностной культуре. Интеллигентская идеология объявлялась опасной и неуместной для будущей России. Слово «большевизм» здесь еще пока не звучит, но основной набор дескриптивных инструментов и узловых сюжетов формируется с очевидной ясностью. Интеллигенция обвинялась в отсутствии цельного сознания, в принципиальности, доходящей в своей реализации до беспринципности, в опасном забвении духовной жизни, в упоении социальным реформаторством без цели и смысла. М.О. Гершензон в веховской статье «Творческое самосознание» называет русское общество «искалеченным», «уродливым», потому что его ведущая интеллектуальная часть – интеллигенция, не представляет из себя «лю-

⁴ Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 104.

⁵ Франк С.Л. Ницше и этика «любви к дальнему» // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 182.

дей», цельных личностей. «Потому что мы не люди, а калеки, все, сколько нас есть, русских интеллигентов, и уродство наше – даже не уродство роста, как это часто бывает, а уродство случайное и насильственное. Мы калеки потому, что наша личность раздвоена, что мы утратили способность естественного развития, где сознание растет заодно с волею, что наше сознание, как паровоз, оторвавшийся от поезда, умчалось далеко и мчится впустую, оставив втуне нашу чувственно-волевою жизнь»⁶.

«Веховцы» смогли выстроить в своем сборнике целостную картину интеллигенции, которая на долгое время стала хрестоматийной. Авторы сборника назвали первых, с их точки зрения, русских интеллигентов – Бакунина, Белинского и Чернышевского. Бердяев в своей статье о «философской истине» обвиняет их в беспочвенности, поверхностном социализме, мечтании о земном рае, замене истинного искания истины на «интеллигентскую правду». Кистяковский упрекает интеллигенцию в ущербности их правосознания, Изгоев пишет о чудовищном состоянии умов интеллигентской молодежи, которая увлечена только политической борьбой, плохо воспитана, не умеет строить собственную жизнь и быт.

Интересно, что за пределами русской интеллигенции оказались все русские писатели и вся русская литература – Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский и т.д. Также под знамена интеллигенции не были записаны русские философы-славянофилы, например, Хомяков, а также Вл. Соловьев и Чаадаев. М.О. Гершензон обвиняет русскую интеллигенцию в отсутствии внимания к национальной и самобытной русской литературе и философии: «Наше сознание в массе не вырабатывало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе; поэтому у нас и в помине не было своей, национальной эволюции мысли; в праздной, хотя и святой, жажде истины мы просто хватали то, что каждый раз для себя создавала западная мысль, и носились с этим даром до нового, лучшего подарка. И напротив, та истина, которую добывали – конечно, в личной работе сознания – наши лучшие умы – Чаадаев, славянофилы, Достоевский, – мы не дорожили ею, не умея распознать в ней элемент национальной самобытности – все это потому, что наше сознание было лишено существенности, которая дается ему только непрерывным общением с волею»⁷.

В 1918 году авторы *Vex* заявили о себе написанием нового сборника на ту же тему – *Из глубины*. Именно он особенно важен в контексте разговора о «веховской» концепции большевизма, так как в нем авторы подводят итоги своим размышлениям, а также фиксируют правоту своих предчувствий и предостережений. Бердяев в своей статье «Духи русской революции» заключает: «Русская революционная мораль представляет совершенно своеобразное явление. Она образовалась и кристаллизовалась в левой русской интеллигенции в течение ряда де-

⁶ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 509.

⁷ Гершензон. Творческое самосознание. С. 518.

сятелетий и сумела приобрести престиж и обаяние в широких кругах русского общества. Средний интеллигентный русский человек привык преклоняться перед нравственным образом революционеров и перед их революционной моралью»⁸.

Изгоев идет еще дальше и впервые отчетливо проводит связь между большевизмом и ответственностью русской интеллигенции за него: «Большевики и их господство и воплотили в себе всю критику жизни. Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие»⁹. И далее еще более ясно и прямо звучит сюжет ответственности: «Для будущности России важно, чтобы социалистической и радикальной интеллигенции не дано было возможности переложить на одних большевиков идейную ответственность за крах всей системы идей. Само собой разумеется, речь идет не об уголовной ответственности. Но в области идей должно быть твердо установлено, что между большевизмом и всеми леворадикальными и социалистическими течениями русской мысли существует тесная, неразрывная связь»¹⁰.

Духовные основания большевизма авторы *Vex* видят в традиции, идущей от декабристов, продолжающейся в Бакунине и Белинском и находящей законченное выражение в леворадикальной политической ориентации русской интеллигенции в целом. Первым «большевиком» Бердяев называет декабриста Пестеля, а также разночинцев 1860-х гг. XIX века.

Русская интеллигенция, по мнению «веховцев», представляет особый духовно-исторический тип, сложившийся в России в силу особого характера ее модернизации, «беспочвенности» культуры, авторитарности самодержавия и слабости религиозных и философских оснований у ведущего интеллектуального слоя. Русские интеллигенты воинственно настроены ко всем структурам государства, нетерпимы и одержимы идеями радикального социального переустройства. Они ненавидят вышестоящие классы, при этом сочувственно относятся к «низам», хотя не понимают их еще больше, чем тех, кого ненавидят. Трагический душевный разлад и раскол порождают особую «раскольническую» (в терминологии Бердяева) или «отщепенскую» (в версии Струве) психологию, склонность к «кружковщине», заговорщичеству и стремление к фанатичному служению «идее».

Франк полагает, что первый портрет русского интеллигента дан Тургеневым в образе Базарова в романе «Отцы и дети». Именно в спорах между Базаровым и Кирсановым, по мнению Франка, слышны «раскаты грозы, обрушившейся теперь на Россию». Ненависть, которую Базаров питает к старому миру, к либера-

⁸ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 703.

⁹ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 769.

¹⁰ Там же. С. 770.

лизму Кирсановых, «по духовной своей субстанции совершенно тождественна с большевистской злобой». Ресентимент, который интеллигенция питает к вышестоящим классам, к слоям, представляющим «старый режим» или «старый порядок», роднит ее с большевиками, полагают авторы *Vex*.

Таким образом, с точки зрения авторов *Vex*, история возникновения большевизма в России – это история «усиления» интеллигенции и всех черт, ей присущих: отщепенства, нетерпимости, воинственной религиозной безграмотности, фанатизма. Подробно этот феномен был выявлен, в первую очередь, в русской литературе. Современный историк русской культуры Л. Люкс отмечает: «С критикой непочтительных детей-"нигилистов" выступили Тургенев, Достоевский и другие представители "романтического" поколения интеллигенции. Их повергло в ужас не только поведение, но прежде всего мировоззрение этих последышей, их яростный поход против идеалистической эстетики и философии, обращение к плоскому материализму и утилитаризму»¹¹.

Особый характер радикальных психологических черт интеллигенции сближает ее, по мнению Бердяева, с русским характером как таковым. Так, парадоксально, отщепенство становится фактором, объединяющим интеллигенцию со всей Россией, но только на этом фундаменте невозможно было выстроить никакого общественного договора.

Авторы *Vex* задаются вопросом, почему из всего многообразия западных социальных учений в России прижились самые радикальные, самые непримиримые версии тотального переустройства мира и социума. Социализм на Западе был облагорожен и «обеззаражен» зрелой буржуазной культурой и христианской религией, в России же ни один из этих факторов не имел решающего значения. Уже гораздо позже, в 1924 году, эту мысль *Vex* в поэме «Россия» прекрасно выскажет Максимилиан Волошин, обозначив трагическое противоречие между Западом и Россией в метафоре «культуры огня» и «культуры взрыва»:

«У нас в душе некошеные степи.
Вся наша непашь буйно заросла
Разрыв-травой, быльём да своевольем.
Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлётами – Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне.
В анархии всё творчество России:
Европа шла культурою огня,
А мы в себе несём культуру взрыва.
Огню нужны – машины, города,
И фабрики, и доменные печи,
А взрыву, чтоб не распылить себя, –

¹¹ Люкс Л. Интеллигенция и революция: летопись триумфального поражения // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2016. № 1. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss25.html>. Последнее посещение 28.06.2017.

Стальной нарез и маточник орудий.
Отсюда – тяж советских обручей
И тугоплавкость колб самодержавья»¹².

Он же в той же поэме дал и прекрасный поэтический образ русского интеллигента, как будто списанный с того портрета, который был нарисован авторами *Vex*:

«От их корней пошёл интеллигент.
Его мы помним слабым и гонимым,
В измятой шляпе, в сношенном пальто,
Сутулым, бледным, с рваною бородкой,
Страдающей улыбкой и в пенсне,
Прекраснодушным, честным, мягкотелым,
Оттиснутым, как точный негатив,
По профилю самодержавья: шишка,
Где у того кулак, где штык – дыра,
На месте утвержденья – отрицанье,
Идеи, чувства – всё наоборот,
Всё «под углом гражданского протеста».
Он верил в Божие небытие,
В прогресс и в конституцию, в науку,
Он утверждал (свидетель – Соловьёв),
Что «человек рождён от обезьяны,
А потому – нет большая любви,
Как положить свою за ближних душу»¹³.

Отдельное внимание авторы *Vex*, прежде всего Бердяев, уделяют эсхатологическому характеру русской культуры, воплотившемуся и в сознании такого духовно-исторического типа, как интеллигенция. Идея особого пути России, божественного предназначения ее судьбы, находит выражение и в радикальных идеях интеллигентов, а потом закономерно заканчивается большевистским проектом «коммунистического рая». Бердяев отмечает, что таким образом, коммунизм становится «внутренним моментом» в судьбе русского народа.

Идея коммунизма, отмечают авторы *Vex*, принципиально враждебна в первую очередь христианству. Но для того, чтобы выдержать эту битву с Христом, коммунизму нужно сохранять максимальное религиозное напряжение. Таким образом, большевистский проект максимально религиозен, он пытается отвечать на те же самые конечные, смыслополагающие вопросы, на которые отвечает христианская религия. И эту религиозную, но при этом антихристианскую черту авторы *Vex* также находят в сознании русской интеллигенции. На место Христа интеллигенты ставят учение Христа, и в конечном счете приходят к гуманизму, к обожествлению человека и «мира сего». Путь радикальных социальных реформ

¹² Волошин М. Россия // Максимилиан Волошин. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991. С. 200.

¹³ Там же. С. 196.

приобретает сотериологический характер и трактуется как история спасения человечества и преобразования его природы в буквальном, социологическом и историческом смысле слова.

Отдельно стоит отметить, что период написания *Vex* в России гармонично совпал с очередным поиском роли интеллектуалов в европейской культурной и исторической жизни и в самой Европе. Шарль Моррас в работе «Будущее интеллигенции», например, упрекает интеллектуалов в том, что «революционная диктатура стала высшей точкой диктатуры литераторов»¹⁴. Об этом пишет в своей статье, посвященной сборнику *Vexi*, известный русский философ и писатель В.К. Кантор: «Не было направления русской мысли (официозного, радикального, религиозного), которое не пыталось бы подмять под себя эту неуловимую общественно-культурную субстанцию – интеллигенцию. Образ интеллигента был столь же загадочен как образ еврея, тем более, что процент русских евреев среди русской интеллигенции был весьма высок. Как правило, нападавшие на интеллигенцию (революционеры, консерваторы, чиновники, философы, писатели, поэты) сами были выходцами из этого слоя»¹⁵.

В.К. Кантор отмечает поверхностность и эмоциональность суждений авторов *Vex*, подчеркивая, что русская интеллигенция обладала не только радикальными и нигилистическими чертами, которые приписывают ей «веховцы». Русская интеллигенция также была основным «думающим» слоем в России, свободным и просвещенным, и далеко не все ее представители были радикальны и «беспочвенны», многие из них не приняли большевизм и вступили с ним в идейную и духовную борьбу. Сомнительным и односторонним кажется и радикальное размежевание русской интеллигенции с русской литературой и философией, которое проводят авторы *Vex*. В такой картине русская интеллигенция предстает исключительно слоем-«паразитом», невнимательным к настоящему русскому интеллектуальному наследию, а русские писатели и философы, наоборот, оказываются проводниками подлинного европейского Просвещения, искаженного «необразованной» интеллигенцией.

Однако В.К. Кантор подчеркивает и значимость того резкого анализа, который представили нам авторы *Vex*: «"Вехи" много пропустили мимо своего внимания, мало что объяснили, но пафос самокритики, призыв к своеобразной протестантской этике заставил мыслящую часть России перейти к деятельному труду. Возможно, это случилось бы и без появления "Вех", но не будем преуменьшать и их роль»¹⁶.

Заслуга авторов *Vex* состоит в том, что в серии своих статей они смогли создать отчетливый и публицистически яркий образ причин русской катастрофы 1917 года, в первую очередь, в идейном, мировоззренческом плане. Их концеп-

¹⁴ Цит. по: Кантор В.К. «Вехи» в контексте, или интеллигенция как трагический элемент русской истории // Вопросы философии. 2010. №4. С. 93.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 108.

ция «происхождения» большевизма заняла в русской философии и публицистике значимое место. Она была развита уже в отдельных работах и долгое время на Западе считалась основной теорией, объясняющей природу и причины русского большевизма. Тем не менее, их версия была не единственной.

Споры с «веховцами» – «сменовеховство»

Реакция на публикацию сборника *Вехи* последовала стремительно. За два года в печать вышло несколько альтернативных сборников, полемизирующих с *Вехами* – *В защиту интеллигенции* (1909), *По вехам: сборник об интеллигенции и национальном лице* (1909), *Интеллигенция в России* (1910), *Вехи как знамение времени* (1910). Авторами «антивеховских» заметок были известные деятели и публицисты – П.Н. Милюков, М.И. Туган-Барановский и т.д.

Д.С. Мережковский назвал авторов *Вех* – «семью смиренными»¹⁷ и поспешил увидеть в «безбожности русского освобождения» скрытый религиозный смысл. Уже очень скоро, с наступлением большевизма в реальности, он откажется от этой своей идеи. Показательно также название заметки П.А. Столыпина, очень выдержанной и спокойной по стилю – «Интеллигенты об интеллигентах»¹⁸, главную заслугу *Вех* русский реформатор видит в низвержении «идола политики» и в появлении самой традиции самокритики. А. Белый написал: «"Вехи" подверглись жестокой расправе со стороны русской критики; этой расправе подвергалось все выдающееся, что появлялось в России. Шум, возбужденный "Вехами", не скоро утихнет; это – показатель того, что книга попала в цель»¹⁹. Критикам, упрекающим *Вехи* в реакционности, прекрасно отвечает Е.Н. Трубецкой: «Для всякого, имеющего уши слышать, тот призыв к самоуглублению и самоусовершенствованию личности, который мы находим в "Вехах", прозвучит как призыв к свободе: ибо без свободы нет ни совершенства личности, ни даже самой личности: уважать личность – значит признавать ее свободу. Авторы "Вех" отдают себе в том ясный отчет: говоря словами Гершензона, они верят в преобразование нашей общественности через обновленную личность. Не "Вехи" льют воду на мельницу реакции, а их противники – те самые, которые сражаются за старых идолов и остаются при прежних иллюзиях»²⁰.

Полемизируя с *Вехами*, упомянутые критически настроенные авторы реагировали лишь на сиюминутные аргументы и больше отстаивали ущемленную «веховцами» позицию интеллигенции и обвиняли авторов в реакционности, чем предлагали взамен свою, альтернативную концепцию. Первой попыткой предло-

¹⁷ Мережковский Д.С. Семь смиренных // *Вехи: pro et contra*. СПб., 1998. С. 100-111.

¹⁸ Столыпин П.А. Интеллигенты об интеллигентах // *Вехи: pro et contra*. СПб., 1998. С. 84-86.

¹⁹ Белый А. Правда о русской интеллигенции // *Вехи: pro et contra*. СПб., 1998. С. 256.

²⁰ Трубецкой Е.Н. «Вехи» и их критики // *Вехи: pro et contra*. СПб., 1998. С. 330.

жить цельную, альтернативную *Вехам* концепцию происхождения большевизма и русской революции был сборник с говорящим названием *Смена вех*, породивший, как известно, целое влиятельное интеллектуальное движение Русского Зарубежья – «сменовеховство». Авторами сборника выступили Н. Устрялов, С. Чахотин, Ю. Ключников, А. Бобрищев-Пушкин, С. Лукьянов и Ю. Потехин.

«Сменовеховцы» объявили большевизм русской государственной идеей, имманентной и органичной всей русской истории. Авангардистские «выходки» большевизма они объясняли революционной ситуацией и политическими обстоятельствами, надеясь, что государственная идея в конечном счете победит революционную, и русское государство оживет в новом советском воплощении. Они считали, что большевизм возможно преодолеть изнутри, способствуя его перерождению в империю с сильной частно-государственной экономикой и серьезными геополитическими амбициями.

Движение «сменовеховцев» было органично связано с литературным процессом, и многие представители его позже вернулись на советскую родину, как, например, А.Н. Толстой. На страницах своих газет и журналов «сменовеховцы» долгое время всячески оправдывали советскую внешнюю и внутреннюю политику, создавая на Западе позитивный образ советской власти, пытаясь показать, что большевизм не является ни чем-то специфически русским, ни чем-то вообще экстремальным в каком бы то ни было смысле, он является агонией политической революционной борьбы, которая очень скоро примет конвенциональные государственные формы.

Большевизм как проект Модерна – опыт строительства институтов

Помимо философской рефлексии, проходившей вокруг «веховской» и «сменовеховской» концепций большевизма, ряд русских социологов, философов и публицистов предложил принципиально другой, социологический, или, если угодно, культурологический взгляд на природу большевизма как социально-исторического явления.

Например, Иван Ильин определяет большевизм исключительно как «западный материализм». Принципиальное отличие работ Ильина от всех предшествующих описанных нами концепций заключается в том, что философ не ищет никаких «специфических», особых оснований большевизма в русской истории, русской культуре или во взглядах того или иного класса, как это делали авторы *Вех*. Большевизм для него – социологическое воплощение большой западной идеи, появившейся не в России и знаменующей собой развитие некоторых ключевых идей западной новейшей европейской философской традиции. Так философское рассмотрение большевизма переходит в социологическое.

Наиболее точно этот «отстраненный», нейтральный социологический взгляд на природу большевизма обобщает в своей работе «Советский эксперимент строительства институтов» современный философ и культуролог В.А. Куренной: «Советская история является уникальным случаем долгосрочного общественно-эксперимента по строительству организационной и управленческой структуры, призванной радикально модифицировать поведение человека. Этот эксперимент имел как репрессивную, так и конструктивную часть»²¹.

Иными словами, большевизм – проект западного Модерна, определяемый чисто теоретически как идея тотального переустройства мира. Впервые в законченных своих воплощениях она появляется на Западе в проектах ряда сверхорганизационных мобилизационных утопий, самой известной из которых является утопия Сен-Симона. Большевизм предполагает построение тотального государства, в котором насилие является смыслом и сутью самой системы, поскольку является уникальным и ничем не сдерживаемым в пределе инструментом трансформации природы и общества. Предпосылка абсолютной пластичности человеческой природы и общества – базовая фундаментальная идея большевистского проекта. Из этой отправной точки становится возможным объяснить различные эпохи существования советского государства как единого целого, никогда не менявшего свои основные координаты, а менявшего лишь только политические режимы, исходя из обстоятельств.

Таким образом, становится понятно, что большевизм нельзя описать ни как политический режим, ни как диктатуру, ни как авторитарное государство. Исключительно политический язык описания обходит стороной главный, узловый сюжет большевистского проекта, без которого невозможно понять основные действия большевиков: как в сфере чисто политической, так и в сферах, далеких от нее. В.А. Куренной поясняет: «Конструктивная часть проекта была прямым следствием определенной логики, укорененной в комплексе идей Просвещения и имеющей несколько аспектов. Прежде всего она заключалась в предполагаемом по умолчанию нормативном цивилизующем значении образования (первоначально в элементарной форме грамотности) и рационального образа жизни (первоначально в элементарной форме гигиены). Однако эта внешняя сторона, быстро и необычайно эффективно получившая прямое выражение в соответствующих мерах большевиков уже на начальном этапе советской власти, имела под собой более фундаментальные основания – специфическую антропологическую модель (и соответствующую дискурсивную формацию), предполагавшую фактически безграничную пластичность любой формы «природы», включая человеческую, под воздействием внешней (социальной, организационной, базисной) среды»²².

²¹ Куренной В.А. Советский эксперимент строительства институтов // *Время, вперед! Культурная политика в СССР*. М., 2013. С. 12.

²² Куренной В.А. Советский эксперимент строительства институтов. С. 13.

Идея тотального насилия, понятая как абсолютная власть над реальностью, является краеугольным камнем большевистского проекта. Например, особую, уникальную в историческом плане идею «планового» хозяйства невозможно объяснить исходя из чисто политических соображений. В таком случае становится непонятно, почему большевики так держались за нее в течение всего периода существования советского проекта, даже тогда, когда многим стала очевидна экономическая неэффективность тотальной системы планового хозяйствования. Разгадка, видимо, заключается в том, что критерии политической и экономической целесообразности никогда не были определяющими для большевиков, и в этом смысле все поколения советских элит – от Ленина до Андропова, несмотря на всю разницу политических обстоятельств и типов политической власти, хранили верность изначальной большевистской идее, реализуя ее в разных направлениях – от экономики до образования и науки.

Через призму этого взгляда становится возможным объяснить такие феномены советского периода истории, как «лысенковщину», организационную сталинскую модель науки, систему школьного и высшего образования, инструменты управления культурой как особой сферой, распределительные механизмы в сфере потребления, «экспертную» систему принятия решений и трансформацию социально-гуманитарных наук внутри советской идеологической системы.

Последняя черта советского строя проанализирована известным современным социологом А.Ф. Филипповым в статье «Советская социология как полицейская наука», в которой на примере институционального положения социологии дана панорамная картина трансформации социально-гуманитарного знания внутри советской репрессивной системы. А.Ф. Филиппов пишет: «Социология была задумана как *полезная*. Она была нужна для того, чтобы обеспечить на деле декларируемое идеологами научное управление обществом»²³.

А.Ф. Филиппов описывает, как на Западе возникает понятие полицейского государства и как институционализируются науки, призванные обеспечивать управление обществом как равновесной механической системой. Наиболее ярким примером этой идеи был камералистский проект в Германии, но он достаточно быстро провалился после того, как идея полицейского государства уступила свое место государству правовому. Полицейские науки в правовом государстве оказались не нужны, и на место им приходит социология как наука принципиально теоретическая, и от политики независимая. «Во Франции она формируется (в противоположность социализму, предполагавшему революционное преобразование мира) как способ соединения порядка и прогресса на основании знания, которое позволяет видеть, чтобы предвидеть. Она полезна, но пользу приносит лишь постольку, поскольку преследует теоретические цели»²⁴.

²³ Филиппов А.Ф. Советская социология как полицейская наука // Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123/6f.html>. Последнее посещение: 28.06.2017.

²⁴ Филиппов А.Ф. Советская социология как полицейская наука // Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123/6f.html>. Последнее посещение: 28.06.2017.

Таким образом, на Западе социология стала инструментом познания социальной реальности, существующей помимо конструктивных и преобразующих общество механизмов тотального государства. В Советском Союзе, по очевидным идеологическим причинам, такая институционализация была бы невозможна. С размыванием форм и инструментов тотального контроля в 1960-е годы в СССР все-таки появляется «социология», но с особым, уже утраченным на Западе, но заново теперь возрожденным в новых условиях «полицейским» содержанием. «Отказаться от ключевой идеи, что социальная реальность при коммунизме имеет целиком научно сконструированный и потому вполне прозрачный для конструкторов характер, было, разумеется, идеологически невозможно, но и потребность в знании о происходящем необходимо было учитывать»²⁵. Так была создана наука «социология» с конкретной задачей – осуществлять рациональное прогнозирование и планирование с целью планомерного воздействия на общество и все социальные процессы.

Социологический анализ большевизма и его реализации в советском проекте дополняется работами по теории номенклатуры и функционирования бюрократии. На исходе советского периода получают свое развитие теории функционирования «административных рынков», описывающие механизмы воспроизводства и распределения власти и полномочий в СССР в условиях отсутствия публичной сферы и конкурентного характера власти и государственных институтов.

Таким образом, упомянутые способы анализа раскрывают нам явление большевизма с новой, «нейтральной» стороны. Они показывают нам большевизм не как «духовную болезнь» русской интеллигенции, воплотившуюся в политическом терроре и тоталитарном государстве, а как цельный, разработанный теоретический проект, опосредованный ограниченным и искаженным комплексом идей западного Просвещения, реализованный в форме конкретной системы институтов, сохранявших на протяжении почти целого века поразительную стабильность именно в цельности основной своей идеи и замысла, несмотря на все исторические и политические флуктуации.

²⁵ Там же.